

Гибридный политический режим (теоретико-правовая характеристика)

Научный руководитель – Марков Роман Станиславович

Шурупова Елизавета Игоревна

Студент (бакалавр)

Липецкий государственный педагогический университет, Липецк, Россия

E-mail: yelizaveta.shurupova@bk.ru

Конец XX в. стал временем утверждения идеалов демократии, крупных политико-правовых трансформации и перехода государств к новым стандартам народовластия. Но даже в современных условиях «власть народа» можно определить как истинную, так и имитационную. В результате сегодня мы можем наблюдать формирование новой формы политического режима, гибридного политического режима, сущность которого выходит за рамки традиционной классификации «демократический - недемократический».

Одним из первых понятие «гибридный режим» применил английский социолог Э. Ханкиш при анализе Венгерской оттепели. В 1980-х гг. такое определение стало использоваться в отношении политических режимов, которые ранее называли «переходными». По словам Т. Карозерса, гибридный политический режим укрепился, потому что «большинство “переходных стран” не являются ни полностью диктаторскими, ни стремящимися к демократии, а по большому счету их нельзя назвать и переходными. Они находятся в политически стабильной “серой зоне”, перемены в которой могут не происходить десятилетиями» [1, с. 42]. Тем самым он и определил сущность нового политического режима - сочетание элементов демократии и авторитаризма.

В отечественную юридическую науку понятие «гибридный политический режим» ввела политолог и публицист Е.М. Шульман. Она определяет его не как симбиоз «демократии и недемократии», а как авторитарный: «гибридный режим - это авторитаризм на новом историческом этапе» [3, с. 13]. Под влиянием благоприятной экономической ситуации (эффективные реформы, наличие ресурсов, сотрудничество государства и бизнеса) политический режим становится устойчивым, однако его нестабильность проявляется в ходе принятия решений и воплощается в низкой маневренности, долгой адаптации к изменяющимся условиям.

Такой политический режим характерен для государств со слабым, неустойчивым демократическим конституционным строем. Гибридные режимы формируются стихийно, без опоры на устоявшиеся модели организации государственной власти, заимствуют некоторые компоненты управления населением у подобных себе политических режимов. Эти обстоятельства объясняют отсутствие общепризнанной точки зрения на правовую природу гибридного политического режима, а также многообразие политических практик.

Так, в частности, широкое распространение гибридные режимы приобрели в государствах постсоветского пространства. Крах целостной социалистической политико-юридической системы поставил перед 15 республиками задачу формирования нового государственного режима. Путь реформ столкнулся с противоречием двух парадигм: внедрением западноевропейских основ демократии и сохранением авторитарных тенденций. Эти процессы усложнялись особенностями мировоззрения постсоветского общества, которое привыкло к государственному доминированию над личностью.

Сегодня некоторые государства, например, Беларусь и Казахстан, конституционно определяют себя демократическими. Действительно, регулярно проходят выборы, существует многопартийная система, декларируются конституционные права и свободы. При этом необходимо отметить редкую сменяемость власти, слабость оппозиционных сил и

механизмов воздействия общества на власть, дополняемые низкой политической активностью населения и различными формами деформации правосознания. Но даже регулярная сменяемость власти в условиях гибридного режима не может гарантировать изменения отношений государства и гражданина, что, в частности, проявляется в Украине. Отдельные элементы исследуемого политического режима также наблюдаются на постсоциалистическом пространстве (Венгрии, Сербии, Польше).

Особенный интерес вызывает пример Турции. На протяжении XX в. это государство стремилось к европеизации, конституционно закреплялись ценности республиканизма, демократизма, светскости. Однако гарантом конституционного строя выступала турецкая армия, поэтому пришедшие на смену первому турецкому президенту М.К. Ататюрку нестабильные демократические правительства, колебавшиеся между кемализмом и исламизмом, смещались военными. Так ценой неоднократных государственных переворотов Турция оставалась в фарватере демократического курса [2, с. 83]. Сломить ситуацию смог Р.Т. Эрдоган, премьер-министр (2003-2014 гг.) и президент (с 2014 г.) Турецкой республики. За годы его руководства государством были проведены консервативные реформы, приостановлен процесс евроинтеграции, парламентская форма правления трансформировалась в жестко президентскую, ограничена роль армии в управлении страной, правовые инструменты используются для борьбы с политическими оппонентами. Политическая доктрина неоосманизма, поддержанная Эрдоганом, в том числе основывается на историческом реваншизме.

Таким образом, существование гибридных режимов является признаком деформации демократии. Стремясь сохранить, а иногда усилить собственную власть, правящий режим балансирует между народовластием и авторитаризмом, тем самым формирует смешанный, промежуточный государственный строй. Эти обстоятельства обусловили следующие существенные юридические особенности гибридного режима:

1. Государство не признает существование гибридного режима и рассматривает себя исключительно как демократию;
2. Конституционное закрепление демократических институтов совмещается с имитационным характером демократических процедур;
3. Происходит формирование недоверия народа к внешним атрибутам демократии;
4. Политическая активность граждан низка, либо же вовсе сводится к нулю.

Источники и литература

- 1) Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политические науки. 2003. № 2. С. 42-64.
- 2) Марков Р.С. Государственный строй Турции в конце XX – начале XXI в. // Проблемы гуманитарных наук: материалы межрегиональной научной конференции. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. С. 80-83.
- 3) Шульман Е.М. Гибридные режимы: царство имитации // Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью / Е.М. Шульман. М.: Издательство АСТ, 2018. С. 12-17.